

«Социальная троица» как богословско-философское обоснование проблемы религиозной идентичности

А. Б. Тугаров (ORCID: 0000-0003-3918-3804)
Пензенский государственный университет

Целью данной статьи является анализ проблемы религиозной идентичности индивида в современном российском обществе. Проблема, которой посвящена данная статья, состоит в необходимости богословско-философского обоснования проблемы религиозной идентичности как социального феномена, индивидуального свойства личности и разновидности социальных и социокультурных отношений. Содержание и характеристики религиозной идентичности в каждом из этих проявлений могут рассматриваться на различных уровнях: социальном, культурном, семейном или индивидуальном. Религиозная идентичность является для индивида важным элементом его самоидентификации и самоопределения, который проявляется на уровне социального и личностно-персонального измерения. В качестве теоретико-методологической основы отражения содержания, структуры и качественных характеристик религиозной идентичности в современном обществе рассматривается понимание религиозной идентичности как интегрированного образования.

В статье даётся онтологическое обоснование проблемы религиозной идентичности через анализ богословско-философского понимания мыслительного феномена «социальной троицы» (феноменология религии, христианская антропология); рассматривается эволюция идеи «социальной троицы» как концептуального обоснования названной проблемы с помощью герменевтического подхода к идеям православных богословов епископа Пензенского и Саратовского Иннокентия и архиепископа Херсонского и Таврического Иннокентия, русских религиозных философов Н. А. Бердяева, С. Н. Булгакова, В. И. Несмелова и В. С. Соловьёва.

Ключевые слова: православное богословие, религиозная философия, социальная философия, духовность, религиозность, религиозная идентичность, социальная идентичность, феномен «социальной троицы».

The "Social Trinity" as a Theological and Philosophical Justification for the Religious Identity Problem

A. Tugarov

Penza State University

The purpose of this article is to analyze the problem of individual religious identity in modern Russian society. The problem to which this article is devoted is the need for a theological and philosophical justification of the religious identity problem as a social phenomenon, an individual property of a person and a type of social and socio-cultural relations. The content and characteristics of religious identity in each of these manifestations can be considered at different levels: social, cultural, family or individual. Religious identity is an important element of an individual's self-identification and self-definition, manifesting itself at both the social and personal levels. Understanding religious identity as an integrated entity is considered as a theoretical and methodological basis for reflecting the content, structure, and qualitative characteristics of religious identity in modern society.

The article provides an ontological justification for the of religious identity problem through an analysis of the theological and philosophical understanding of the intellectual phenomenon of the "Social Trinity" (phenomenology of religion, Christian anthropology); it examines the evolution of the idea of the "Social Trinity" as a conceptual justification for this problem using a hermeneutic approach to the ideas of Orthodox theologians Bishop Innocent of Penza and Saratov and Archbishop Innocent of Kherson and Taurida, and Russian religious philosophers N. A. Berdyaev, S. N. Bulgakov, V. I. Nesmelov, and V. S. Solovyov.

Keywords: *orthodox theology, religious philosophy, social philosophy, spirituality, religiosity, religious identity, social identity, the phenomenon of the "Social Trinity".*

DOI: 10.64884/3034-2732-2025-3-5

Введение

В социальной философии и современных социально-гуманитарных науках сформировалось устойчивое мнение, что при исследовании проблем социального бытия человека одной из основных форм его идентичности выступает религиозная идентичность. Она может пониматься как то, что включает в себя осознание индивидом своей религиозной принадлежности, а также как активное участие в обрядах, практиках и верованиях определённой религиозной традиции¹.

В отечественной социальной философии, социологии личности и социальной психологии религиозная идентичность понимается, прежде всего,

¹ Рудь И. С., Липич Т. И. Влияние цифровизации на формирование религиозной идентичности современного общества // *Nomothetika. Философия. Социология. Право.* – 2025. – № 1. – С. 174–175; Киселёв Г. С. Религиозные смыслы мира человека // *Вопросы философии.* – 2011. – № 5. – С. 24–25.

как форма коллективного и индивидуального самосознания, построенная на осознании индивидом принадлежности к определённой религии и формирующая его представления о себе и окружающем мире посредством соответствующих религиозных догм¹.

При исследовании проблемы религиозной идентичности следует исходить из того, что поскольку критерий классификации любого социального явления и/или вида отношений всегда сущностен, т. е. характеризуется не только субъектностью, но и объектностью, субстанциональностью, то в русской религиозной и социальной философии можно выделить онтологическое обоснование названной проблемы, обратившись к богословско-философскому пониманию мыслительного феномена «социальной троицы».

Методология исследования феномена «социальной троицы»

Понимание смысла «социальной троицы» и места этого феномена в онтологическом обосновании проблемы религиозной идентичности определяется тем обстоятельством, что в традиции русской религиозной философии вера всегда принималась не в качестве способа отстранения от реальной жизни человека в обществе, а, прежде всего, в «качестве условия удержания реальности, сохранения бытия».

Поэтому проблема религиозной идентичности основана на признании того, что «мир может быть сохранён человеком только в форме веры, веры в то, что он есть, действительно существует как творение высшей силы – Бога»². Кроме того, онтологическое обоснование проблемы религиозной идентичности во многом связано с вопросом определения критериев, по которым конкретный богословский текст может быть квалифицирован как предполагающий определённую научно-философскую интерпретацию.

К. О. Польсков считает, что существует «специфический богословский метод проведения исследования» как определённый способ познания мира, целью применения которого при интерпретации богословских текстов, является «выделение в исследуемом явлении предельных смыслов»³.

Именно с этой точки зрения следует анализировать богословские тексты, содержание которых имеет непосредственное отношение к мыслительному феномену «социальной троицы» и опосредованное – к онтологическому обоснованию проблемы религиозной идентичности индивида в современном обществе.

¹ Соболева А. С. История развития термина религиозная идентичность в зарубежной и отечественной психологии // Академическая публицистика. – 2017. – № 4. – С. 375; Пронина Т. С. Типология религиозной идентичности современных россиян // Социология религии в обществе позднего модерна. – 2024. – Т. 13. – № 1. – С. 14–15.

² Замалеев А. Ф. Лепты. Исследования по русской философии. – СПб.: Изд-во Санкт-Петербургского университета, 1996. – С. 84.

³ Польсков К. О. К вопросу о научном богословском методе // Вопросы философии. – 2010. – № 7. – С. 99.

При этом для интерпретации и классификации религиозных феноменов в контексте понимания социального бытия индивида применялся и применяется в настоящее время метод исследования, известный как «феноменология религии»¹. Преобладающий нравственно-религиозный характер русской философии конца XIX – первой трети XX века определяет то, что анализ сути и содержания мыслительного феномена «социальной троицы» принимает форму историко-философского анализа с соблюдением хронологии рассмотрения проявлений религиозной идентичности индивида.

Н. П. Полторацкий отмечал, что общие черты русской философии «вполне относятся и к русской религиозной философии в частности». Её особенностью становится «антропоцентризм, исключительная занятость темой о человеке, его судьбе и проблематике», что, в свою очередь, «приводит к доминированию моральной установки»².

Русская религиозная философия обнаруживает тенденцию социальной направленности своего содержания, а также особое внимание к религиозному пониманию социальных проблем общества. Она обосновывает необходимость связывать научное рассмотрение общественно значимых событий и явлений с определением их духовной направленности, считая религиозную деятельность духовной³.

Феноменом христианской антропологии при исследовании способов обоснования содержания и структуры религиозной идентичности индивида становится идея превенции: религиозно понимаемая социальная проблема предупреждения условий возникновения социальной аномии через религиозную деятельность, совершаемую индивидом в общественной жизни⁴.

По существу, мыслительный феномен «социальной троицы» становится концептуальной основой понимания онтологического содержания религиозной деятельности человека в современном обществе по предупреждению «социального зла» (социальной аномии).

Это объясняется тем, что «онтологическая позиция» христианства «бытие-в-мире» предполагает, что индивид находится «в мире, но не от мира» и он будет заниматься «мирскими проблемами, но позволит своей жизни руководствоваться Божественной волей».

Обозначенная онтологическая позиция означает, что цели исследования проблемы религиозной идентичности «должны учитывать человека

¹ Самарина Т. С. Феноменология религии и философская феноменология // Вопросы философии. – 2017. – № 4. – С. 61.

² Полторацкий Н. П. Русская религиозная философия // Вопросы философии. – 1992. – № 2. – С. 131.

³ Силантьева М. В. Николай Бердяев о «духах революции»: историко-этические параллели // Вопросы философии. – 2018. – № 1. – С. 96.

⁴ Тугаров А. Б. Анализ социальной превенции в русской философии: методология, концепции, опыт. – Пенза: Изд-во ПГУ, 2023. – С. 101–102.

в целом, а в идеале следует учитывать духовные соображения»¹. При этом философско-светское знание о мыслительном феномене «социальной троицы» как концептуальном обосновании проблемы религиозной идентичности включает в своё содержание конкретные идеи русской религиозной философии.

В результате то, что русская религиозная философия объясняет в виде понимания необходимости жизни индивида с Богом и по Божьим законам в обществе, становится возможностью считать цель и задачи такой жизни предупреждением «социального зла» (социальной аномии), т. е. одним из качественных показателей религиозной идентичности индивида.

Понимание религиозной деятельности человека в обществе как деятельности по предупреждению «социального зла» (социальной аномии) составляет основу содержания феномена религиозной идентичности. Н. А. Бердяев предложил метафорическое философско-религиозное обозначение этого феномена. Он писал: «Благодать – вот сущность религиозной жизни, и не верится в ту религию, которая не сделает жизнь благодатной»².

Социальное и личностно-персональное измерение религиозной идентичности

В современной научной литературе религиозная идентичность преимущественно рассматривается как вид (подвид) социальной идентичности и, по мнению исследователей, синонимична религиозной принадлежности индивида.

В этом случае религиозная идентичность определяется как «социально-антропологическое интегративное явление, в структуре которого следует выделить несколько компонентов: религиозные знания человека, эмоции и чувства человека по отношению к религиозным объектам, ритуалам, институтам; религиозные действия, такие как: посещение храма, чтение священных книг, молитва...»³.

Вместе с тем, исследователи обращают внимание на то обстоятельство, что религиозная идентичность представляет собой не только феномен или свойство, т. е. что-то изначально присущее индивиду, но и вид социокультурных отношений, которые формируются, закрепляются и трансформируются только в ходе социального взаимодействия индивидов. Именно в этом случае религиозная идентичность служит основой моральных принципов, нравственно-этических норм, социальной ответственности и в целом личностного развития индивида.

¹ Holmes C., Lindsay D. In Search of Christian Theological Research Methodology // Sage Open. – 2018. – October-December. – P. 4.

² Бердяев Н. Новое религиозное сознание и общественность. – СПб.: Изд-е М. В. Пирожкова, 1907. – С. VI.

³ Вавилова Е. Ю., Хандурова Е. Н. Религиозная идентичность: современные подходы // Инновационная наука. – 2018. – №7–8. – С. 81.

Исходя из сложившегося подхода к научно-философскому определению религиозной идентичности, исследователи выделяют её основные черты, характеристики и проявления. Они исходят из того, что религиозная идентичность, как и любой другой тип идентичности, имеет, как минимум, два взаимосвязанных по смысловой направленности, конкретных измерения: личностно-персональный и социальный.

Личностно-персональное измерение религиозной идентичности определяется индивидуальным переживанием религиозной веры, осмыслением индивидом внутреннего религиозного опыта.

Религиозная идентичность в таком понимании способствует развитию у индивида чувства общности, поддержанию и совершенствованию религиозных традиций, содействует формированию современных социокультурных связей и сообществ через участие индивида в религиозных событиях, церковных волонтерских проектах и социальных группах, «предотвращает религиозные конфликты и недопонимание, особенно в многонациональных и многоконфессиональных регионах»¹.

Социальное измерение религиозной идентичности проявляется через чувство принадлежности к конкретным религиозным организациям и объединениям, социальным и/или социокультурным группам. Религиозная идентичность в этом случае играет важную роль в воспитании представителей различных социальных групп населения, поскольку она может влиять на мировосприятие, жизненные ценности и социальное поведение индивида.

Необходимым элементом социального измерения религиозной идентичности, по мнению М. В. Фёдоровой, является не только конфессиональное самоопределение индивида, но и степень его религиозной активности (некоторые исследователи используют при этом термин «воцерковлённость»). Не менее важным признаком религиозной идентичности является историчность и этапность её становления².

Феномен «социальной троицы» в контексте проблемы религиозной идентичности индивида

Концептуальное обоснование проблемы религиозной идентичности предполагает обращение исследователей к взглядам русских православных богословов и религиозных философов для понимания смысловой направленности мыслительного феномена «социальной троицы». Раскрытие содержания этого феномена даёт возможность исследователям не превращать социально-философское знание о религиозной идентичности индивида в простую иллюстрацию отдельных положений русской религиозной

¹ Рудь И. С., Липич Т. И. Влияние цифровизации на формирование религиозной идентичности современного общества // *Nomothetika. Философия. Социология. Право.* – 2025. – № 1. – С. 175.

² Фёдорова М. В. Религиозная идентичность в современном цифровом мире // *Социодинамика.* – 2020. – № 6. – С. 68.

философии и не считать такое знание противоречивой противоположностью последней.

Социальные феномены, которые русская религиозная философия объясняет как жизнь человека по Божьим законам в обществе, по целям и задачам такой жизни с точки зрения богословски и/или философски понимаемого предупреждения социальной аномии и социальной патологии в современном обществе в определённой мере оказываются целью и содержанием религиозной идентичности.

Предположение о том, что в «социальной троице» как мыслительном феномене имеет место «наложение» богословско-философских подходов на светско-философскую проблематику религиозной идентичности, отчасти находит подтверждение в признаниях самих философов.

Они подчёркивают, что в их религиозных исканиях присутствует социальный момент; понимание того, что концом человеческой истории может быть только или «царство Божье на земле, царство Христово, или царство князя мира сего, царство антихристово» (Н. А. Бердяев).

Проявлением такого социально-ориентированного момента в содержании проблемы религиозной идентичности становится рассмотрение эволюции идеи «социальной троицы» как концептуального обоснования названной проблемы.

Генезисом этой идеи являются богословские рассуждения епископа Пензенского и Саратовского Иннокентия о «непрерывном возрастании человека к духовной жизни», относящиеся к периоду его ректорства в Санкт-Петербургской духовной семинарии (примерно 1815-1817 гг.). Они представляют собой один из самых ранних по времени вариантов богословско-философского понимания социально-ориентированной проблематики, в котором преобладает явно выраженный морально-этический аспект, что характерно для русской философии в целом.

При этом в его рассуждениях обнаруживается прообраз понимания религиозной идентичности индивида. Епископ Иннокентий считал, что существуют «степени любви к ближнему» каждого человека: «1) если мы никаким образом никого не обижаем; 2) если мы всех людей рассматриваем вне различных состояний, гражданских и духовных, почитаем за равных нам; 3) если мы пользам других всячески споспешествуем»¹.

Для него принципиально важным было то, что к исполнению обязанностей «третьей степени мы не побуждаемся и не можем быть побуждаемы ни от кого». Поэтому обязанности первых двух степеней правильно называть «именем справедливости», а обязанности «последней степени – именем любви» к ближнему, которая в человеке постоянно возрастает².

¹ Иннокентий, епископ Пензенский и Саратовский. Божественное правоеведение, или Богословие деятельное (Предлежательное – Предметное) // Иннокентий, епископ Пензенский и Саратовский. Сочинения. Ч. III. – СПб.: Изд-е Кораблёва и Сирякова, 1847. – С. 85.

² Указ. соч. С. 88.

Важным моментом эволюции содержания идеи «социальной троицы» являются рассуждения архиепископа Херсонского и Таврического Иннокентия. В «Слове при первом посещении города Изюма» (20 августа 1843 года) он, проведя аналогию с гражданским символом города – «тремя виноградными ветвями», отметил, что смыслом религиозной деятельности человека в обществе является «виноград духовный суть добродетели христианские», который может «расти» при любых социальных условиях и обстоятельствах.

При таком понимании мыслительного феномена «социальной троицы» смысл проблемы религиозной идентичности индивида заключён в том, что «души и сердца людей питают три лозы виноградные» – от трёх лиц Пресвятой Троицы». Первая ветвь – «вера правая и живая», вторая ветвь – «упование жизни вечной, надежда христианская» и третья ветвь – «любовь чистая и святая»¹.

В докладе В. С. Соловьёва «Русская идея», сделанном в Париже 23 мая 1888 года, впервые используется сам термин «социальная троица» и обосновывается идея о том, что «окончательное осуществление социальной троицы ... каждое из трёх главных органических единств – церковь, государство, общество – безусловно свободно ... не в отъединении от двух других, поглощая или истребляя их, но в установлении безусловной внутренней связи с ними»².

Аспекты проблемы религиозной идентичности в рассуждениях В. С. Соловьёва о «социальной троице» прослеживаются тогда, когда он утверждает, что «дело социального освобождения не может ограничиваться одним материальным порядком»³. Деятельность («дело») в обозначенном им направлении понимается как религиозная деятельность индивида.

Для В. С. Соловьёва «русская идея» была заключена, в конечном счёте, в восстановлении «на земле верного образа божественной Троицы». Интерпретируемый таким образом (через «русскую идею») мыслительный феномен «социальной троицы» становится концептуальным обоснованием проблемы религиозной идентичности.

Возвращение к идее «социальной троицы», только направленной не на обоснование внешних проявлений общественной жизни, как у В. С. Соловьёва, а на обоснование внутренней природы человека, присутствует в рассуждениях В. И. Несмелова.

Он обращает внимание на то, что «по требованию своего религиозного сознания человек строит себе идеал жизни праведной, жизни истинной, тогда как по физическим условиям жизни он может говорить только о жиз-

¹ Иннокентий, архиепископ Херсонский и Таврический. Слово при первом посещении города Изюма // Сочинения. Т. XI. – СПб.: Изд-е Тов-ва М. О. Вольф, 1901. – С. 108, 110, 112.

² Соловьёв В. С. Русская идея / пер. с фран. Г.А. Рачинского // Вопросы философии и психологии. – 1909. – № 5. – С. 356.

³ Там же.

ни счастливой и по природе своих отношений к миру он может говорить только о жизни разумной»¹.

В религиозной антропологии В. И. Несмелова содержится по сути светское социально-философское определение религиозной, превентивной по своей сути, деятельности: предупреждение чего-либо при сохранении начальных условий чего-либо и положительное осуществление содержания «счастливой жизни».

Он отмечал, что для осуществления «основной цели человеческой жизни» от общества требуется «устранение тех реальных условий, в которых действительно совершается жизнь и в которых она постоянно подвергается опасности неминуемого разрушения, и необходимо создание таких идеальных условий, при которых она могла бы совершаться, не подвергаясь этой опасности»².

Кроме того, находясь в конкретных социальных условиях жизни «человек строит для себя такое представление счастья, которое заставляет его утверждать свою жизнь именно при данных условиях». Поэтому жизнь человека в обществе оказывается «положительным осуществлением того содержания жизни, которое представляется ему как выражение счастливой жизни»³.

Такое представление В. И. Несмелова о целях религиозной деятельности индивида становится составной частью знания о проблеме религиозной идентичности в русской философии⁴. К содержанию исследуемой проблемы относятся также религиозно-философские идеи С. Н. Булгакова об условиях, определяющих идеальное состояние российского общества.

Он признавал то, насколько «далека русская ... действительность от своего идеала, определяемого объективно православием, ... субъективно – характером русской религиозности». Но, по его мнению, это обстоятельство не отменяет веру в Россию, которая «как искомое, как идеальная задача, может умереть только в нас и через нас, в сердцах наших» и которая есть «наше творение, наше деяние, наше мужество, наша вера, наша воля»⁵.

Богословско-философское обоснование необходимо для понимания суждения о том, что раскрытие в социальной жизни современного общества смысла «социальной троицы» достигается через такую религиозную деятельность индивида, когда не только сакральная, культовая, но богоугодная деятельность (благотворительность, милосердие, призрение и др.) является для него первичной.

¹ Несмелов В. Наука о человеке. Т. I. Опыт психологической истории и критики основных вопросов жизни – Казань: Централ. тип-фия, 1905. – С. 275.

² Указ. соч. С. 220.

³ Указ. соч. С. 223.

⁴ Шевцова Э. А., Тугаров А. Б. Религиозная антропология В.И. Несмелова как методология русской философии социальной превенции // Современные исследования социальных проблем. – 2017. – № 1-3. – С. 217-218.

⁵ Булгаков С. Н. Ответ В.П. Соколову // Русская мысль. – 1913. – Кн. VII. – С. 113–114.

В этом случае религиозная деятельность определяет как его мировоззренческие поиски, так и реальные усилия в социальной практике. Требования к осуществлению «социальной троицы» как основе религиозной идентичности сводятся к достижению справедливости в отношении жизни индивида в обществе.

Прежде всего, справедливость в светской жизни индивида понимается как имеющая отношение не только к обязанностям социально-превентивного свойства, но также к обязанностям, по своей природе принимаемым за основу сравнения с идеалом социальной превенции, и обязанностям, имеющим отношение к предупреждению со стороны общества ошибок в предоставлении социальных благ и сохранении социальной стабильности¹.

Кроме того, различные аспекты справедливости понимаются в богословско-философской традиции как имеющие значение не только в отношениях между людьми, общностями и социальными институтами, но также в отношениях между божественным и человеческим, при этом в такой мере, что божественно-человеческие отношения справедливости расцениваются как включившие в себя социальные и социокультурные отношения отдельных индивидов, общностей и институтов.

Таким образом, в русской философии проблема религиозной идентичности рассматривается преимущественно с позиции антропоцентричных исканий, поскольку возможность и необходимость антропоцентризма заложена в главных догматах христианства – прежде всего, в учении о Святой Троице (тринитарности).

Г. С. Киселёв подчёркивает, что в православном богословии и русской религиозной философии «Тринитарный Бог осознаётся как сила, прежде всего нравственного характера; речь идёт о нравственном законодателе», именно поэтому «нравственность имеет Божественную, или священную, т. е. именно сверхъестественную санкцию»².

Принципиально важным в богословско-философском обосновании проблемы религиозной идентичности является акцент на том, что совершаемая в обществе религиозная деятельность, которую богословы и философы называют, прежде всего, духовной, понимается как деятельность индивида в общественной жизни, и, по сути, оказывается осмысленной и целеориентированной деятельностью по предупреждению любых проявлений «социального зла» (социальной аномии).

Именно такая по своему содержанию и характеру религиозная деятельность индивида, как было показано выше, может быть оценена как сущностное проявление религиозной идентичности в контексте осуществления «социальной троицы».

¹ Тугаров А. Б. Анализ социальной превенции в русской философии: методология, концепции, опыт. – Пенза: Изд-во ПГУ, 2023. – С. 108–109.

² Киселёв Г. С. Религиозные смыслы мира человека // Вопросы философии. – 2011. – № 5. – С. 18.

Выводы

Рассмотрение мыслительного феномена «социальной троицы» как богословско-философского обоснования проблемы религиозной идентичности свидетельствует о том, что в научно-философском определении религиозной идентичности индивида обращается внимание на то обстоятельство принципиального значения, что она стала в историческом плане важным аспектом самоопределения, объединившим российский народ, и продолжает оказывать в настоящее время заметное влияние на формирование национального самосознания значительной части населения России.

Содержание и характеристики религиозной идентичности могут проявляться на различных уровнях: социальном, культурном, семейном или индивидуальном. Религиозная идентичность как феномен, свойство и отношение является для индивида частью общей системы самоидентификации, самоопределения и самореализации, которая складывается у него на протяжении всей жизни.

Благодаря этой духовно ориентированной и нравственно-этической системе индивид формирует своё мировоззрение и ценностные ориентиры, определяет своё место в местном сообществе и в современном обществе в целом.

Таким образом, теоретико-методологической основой отражения содержания, структуры и качественных характеристик религиозной идентичности в современном обществе становится понимание религиозной идентичности как интегрированного образования.

Оно представляет собой смысловое и сущностное единство трёх взаимосвязанных составляющих: социального феномена, индивидуального свойства личности и разновидности социальных и социокультурных отношений.

Литература

1. Бердяев Н. Новое религиозное сознание и общественность. – СПб.: Изд-е М. В. Пирожкова, 1907. – 233 с.
2. Булгаков С. Н. Ответ В. П. Соколову // Русская мысль. – 1913. – Кн. VII. – С. 109–114.
3. Вавилова Е. Ю., Хандурова Е. Н. Религиозная идентичность: современные подходы // Инновационная наука. – 2018. – №7-8. – С. 78-81.
4. Замалеев А. Ф. Лепты. Исследования по русской философии. – СПб.: Изд-во Санкт-Петербургского университета, 1996. – 320 с.
5. Иннокентий, архиепископ Херсонский и Таврический. Слово при первом посещении города Изюма // Сочинения. В 12-ти т. Т. XI. – СПб.: Изд-е Тов-ва М. О. Вольф, 1901. – С. 107–114.
6. Иннокентий, епископ Пензенский и Саратовский. Божественное правоведение, или Богословие деятельное (Предлежательное – Предметное) // Сочинения. Ч. III. – СПб.: Изд-е Кораблёва и Сирякова, 1847. – С. 1-119.

7. Киселёв Г. С. Религиозные смыслы мира человека // Вопросы философии. – 2011. – № 5. – С. 18–29.
8. Несмелов В. Наука о человеке. Т. I. Опыт психологической истории и критики основных вопросов жизни. – Казань: Централ. тип-фия, 1905. – 418 с.
9. Полторацкий Н. П. Русская религиозная философия // Вопросы философии. – 1992. – № 2. – С. 126–140.
10. Польсков К. О. К вопросу о научном богословском методе // Вопросы философии. – 2010. – № 7. – С. 93–101.
11. Пронина Т. С. Типология религиозной идентичности современных россиян // Социология религии в обществе позднего модерна. – 2024. – Т. 13. – № 1. – С. 10–21.
12. Рудь И. С., Липич Т. И. Влияние цифровизации на формирование религиозной идентичности современного общества // Nomothetika. Философия. Социология. Право. – 2025. – № 1. – С. 172–184.
13. Самарина Т. С. Феноменология религии и философская феноменология // Вопросы философии. – 2017. – № 4. – С. 61–74.
14. Силантьева М. В. Николай Бердяев о «духах революции»: историко-этические параллели // Вопросы философии. – 2018. – № 1. – С. 96–105.
15. Соболева А. С. История развития термина религиозная идентичность в зарубежной и отечественной психологии // Академическая публикастика. – 2017. – № 4. – С. 368–377.
16. Соловьёв В. С. Русская идея / пер. с фран. Г. А. Рачинского // Вопросы философии и психологии. – 1909. – № 5. – С. 323–356.
17. Тугаров А. Б. Анализ социальной превенции в русской философии: методология, концепции, опыт. – Пенза: Изд-во ПГУ, 2023. – 200 с.
18. Фёдорова М. В. Религиозная идентичность в современном цифровом мире // Социодинамика. – 2020. – № 6. – С. 66–79.
19. Шевцова Э. А., Тугаров А. Б. Религиозная антропология В. И. Несмелова как методология русской философии социальной превенции // Современные исследования социальных проблем. – 2017. – № 1-3. – С. 215–219.
20. Holmes C., Lindsay D. In Search of Christian Theological Research Methodology // Sage Open. – 2018. – October-December. – P. 1–9.